

Литература

1. Европейская коммунистическая встреча, октябрь 2014 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://ru.kke.gr/ru/articles/2014-00003/>.
2. Коммунисты в Европе : Компартия Португалии оказалась самой стойкой [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://inosmi.ru/europe/20151019/230892826.html>.
3. Минюст лишил компартию статуса и права участвовать в выборах [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.interfax.ru/world/455865>.
4. Петр Симоненко: Украине нужна социальная революция, а не олигархические майданы [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.kpu.ua/>.
5. Письмо-протест Европарламентской фракции КПГ [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://ru.kke.gr/ru/search>.
6. Пресс-конференция Петра Симоненко в Страсбурге 18 апреля 2016 года [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.kpu.ua/ru/83866/presskonferentsyja>.
7. Пресс-релиз по итогам заседания редакционной коллегии Международного коммунистического обзора 23/04/2016 [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://ru.kke.gr/ru/articles/-23-04-2016/>.
8. Союз Коммунистов-Интернационалистов [Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.union-communiste.org/?RU-pres-x-x-x.html>.
9. Class Struggle Magazine [Electronic resource].— Mode of access : <http://the-spark.net/magazine.html>.

В. И. Головченко

Киев, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко

Историческая и коллективная память как составные национального сознания украинцев

Национальные культура и язык, историческая и коллективная память как составные национального сознания решающим образом усиливают прочность и сплоченность этноса, объединяют и легитимизируют его. Но феномен внутренней сплоченности нации остается не до конца разгаданным в культурологии и политической науке. Главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований НАН Украи-

ны Л. Нагорная утверждает, что способность нации к саморазвитию и самоорганизации в значительной степени обеспечивается ее внутренними импульсами [11, с. 47]. Этот вывод не отрицает и того, что ускорение процесса кристаллизации нации может быть следствием целеустремленных усилий, в частности со стороны государства, осуществляющего стратегию единения и консолидации общества.

Среди факторов национальной идентификации особая роль принадлежит исторической памяти. Но и в таком случае типология, объем и наполнение, география различных проекций граждан Украины еще недостаточно проработаны исследователями, хотя этот сегмент коллективного сознания попал в поле зрения культурологов и политологов после победы Евромайदानа и Революции достоинства в феврале 2014 г.

Ведь историческая память, как часть памяти коллективной, является не просто одной из весомых составных национального сознания, а и выступает внешним выражением представления общества о своем прошлом. В нем общество нарабатывает обобщенный стереотип отношения к близким и далеким историческим событиям, участникам исторических процессов, устоявшуюся галерею позитивных и негативных героев [4, с. 17].

А коллективная память, кроме взгляда общества на свою историю, включает также обобщенные мысли каждого человека, принадлежащего к определенной общности, об идейно-духовных ценностях жизнедеятельности этого общества, его достижениях и потерях в ретроспективе. Таким образом, коллективная память, кроме исторической, включает еще философскую и обществоведческую составные. Безусловно, и историческая, и коллективная память формируются как собственно обществом без заметного вмешательства государства, так и при его содействии через структуры, призванные исполнять такие функции: СМИ, заведения образования и культуры, учреждения пропаганды и агитации.

Наглядным примером традиционной коллективной памяти является фольклор, в частности песенное творчество: думы, былины, саги, исторические песни. Романтический взгляд на развитие гуманитарных знаний, философской мысли и социологии в 1-й половине XIX в. исходил из того, что народ в своих легендах, сказках и песнях сам составил свою историю и определил отношение к событиям и героям прошлого. Поэтому национальная

интеллигенция должна лишь систематизировать эти знания, сделать достоянием гласности и вернуть в книжном формате народу.

Именно обращение к коллективной памяти народа подсказало немногочисленной украинской элите отказаться от этнонимов «русский», «малоросс» и «русин» в пользу нового определения — «украинец». Это укрепляло генетическую связь с Казацкой эпохой XVI–XVII вв., которая была героизирована и поэтизирована в народных песнях, а также вплоть до распада СССР определила национальный идеал, вокруг которого едва ли не впервые в едином ритме начали вращаться и элитарная, и простонародная политическая культуры — фигура героя-казака, символического борца «за волю Украины».

Историческая память, зафиксированная в формах гуманитарных знаний, культурных стереотипов, символов и мифов, выступает уникальной совокупностью представлений национальной общности о своем прошлом. Лишь единодушие в представлениях и оценках исторического процесса способно консолидировать общество. После завершения холодной войны и крушения авторитарных коммунистических режимов в Европе наиболее активно и успешно развиваются именно те государства, где уровень национального сознания и патриотизма чрезвычайно высокий, бережно лелеются национальные традиции и культура, где в надлежащем почете собственное историческое наследие.

Поэтому для Украины, как государства, выстраивающего ассоциированные взаимоотношения с Европейским Союзом и стратегическое партнерство с США, остро актуальным является исследование феномена исторической памяти. После этого возможно создание модели национальной истории, которая могла бы эффективно воспроизвести прошлое страны, включенное в контекст как европейской, так и мировой истории.

Вопреки неисчислимым прогнозам многих западных и восточных аналитиков, независимая Украина не распалась на две или больше частей, даже в условиях военной агрессии со стороны России и неоднократных попыток Кремля реализовать пресловутый проект «Новороссии», не погрузилась в хозяйственный хаос вопреки общей дисфункциональности коррумпированного государства и очевидный упадок постсоветской экономики. Естественно, после длительного скепсиса ряд зарубежных специалистов почувствовал стремление разобраться в таком украинском феномене.

Еще осенью 1995 г. известный американский историк-славист и будущий председатель Международной ассоциации украинистов М. фон Гаген сформулировал вопрос, вокруг которого завязалась настоящая дискуссия: имеет ли Украина историю? Ученый утверждал, что историческая и интеллектуальная легитимность вновь созданных центрально-восточноевропейских государств еще не доказана, и тяжесть аргументированных доказательств ложится на плечи независимых исследователей, а также стремился заострить внимание научной общественности на том, что во многих академических средах Украина не воспринималась как отдельный субъект исторического процесса [15].

Через два года появилась блестящая аналитика патриарха американской политологии международных отношений З. Бжезинского — «Большая шахматная доска». В ней один из ведущих идеологов внешней политики США уже охарактеризовал Украину как «принципиально важный геополитический центр», в частности и потому, что «именно ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию» [1, с. 56].

Венский профессор-историк и иностранный член НАН Украины А. Каппелер, проанализировав газеты, журналы и Интернет-публикации из различных областей Украины после распада «помаранчевой» коалиции, пришел к выводу, что «коллективная память, взгляды на историю и мифы, касающиеся отношений с Россией, Польшей и Австрией, активизируются, осуществляются и используются в политических целях» [10, с. 287].

Действительно, когда отдельные общественные группы имеют различные, а то и противоположные взгляды на собственное прошлое, историческая память выступает дезинтегрирующим фактором, порождает у граждан несовместимые взгляды на перспективы государства и нации. Таким образом, только при наличии общей для всех регионов страны исторической и коллективной памяти можно утверждать о принадлежности той или иной личности к единой национальной общности. Ни территория расселения, ни этническое происхождение, ни общность хозяйственного интереса не имеют определяющего значения для категории «нация». Только общность исторической судьбы и национального ощущения, которые базируются на общей исторической памяти, являются главным фактором созидания нации.

Но историческая и коллективная память украинцев травмированы столетиями безгосударственности, колонизации и культурной ассимиляции. Поэтому нынешнее их состояние можно квалифицировать как кризисное, а убедительным проявлением этого кризиса выступает сосуществование в коллективном сознании разных проекций украинского прошлого. Их как минимум две: собственно украинская и проимперская, включающая восточнославянский, малороссийский и советский компоненты. Причем эти проекции исторической памяти не являются комплиментарными, а в отдельных случаях выступают даже открыто антагонистическими.

Именно такую типологию исторической памяти предложил львовский историк Я. Грицак, утверждающий, что современная постсоветская Украина выступает полем битвы между двумя версиями национальной истории: советской и украинской традиционной [6].

Перспективы строительства украинской политической нации нуждаются в возрождении культуры и традиций передачи памяти поколений, примирения общественной мысли вокруг «болезненных» тем отечественной истории. В поисках национальной идентификации украинцы преодолевают непростой путь «ломки» стереотипов, демифологизации взглядов на собственное прошлое, учатся оценивать национальную историю в «своих», а не «чужих» категориях.

Такая трансформация коллективной сознательности в итоге достигнет позитивного результата: «национализирует» исторический нарратив, утвердит в обществе согласованный взгляд на украинское прошлое, то есть поможет нации объединиться вокруг перспектив своего будущего. Как образно высказался А. Довженко, «современное — всегда по дороге из прошлого в будущее».

Это убедительно подтверждает и международный опыт преодоления авторитарного и тоталитарного исторического наследия, в частности деятельность Чилийской национальной комиссии по установлению правды и примирению, которая занималась расследованием нарушением прав человека в период диктатуры А. Пиночета. Один из авторитетных членов Комиссии по этому поводу заявил: «Общество не может просто стереть главу из своей истории, не может отрицать факты своего прошлого, какими бы противоречивыми не были возможные толкования этих фактов. В таком случае пустота, которая образовалась, обязательно заполнит или ложь, или путаные версии того, что произошло. Единство

нации основано на общей идентичности, какая, в свою очередь, в значительной степени строится на общей памяти. Правда также приводит определенным образом к катарсису в обществе и содействует тому, чтобы прошлое не повторялось» [3, с. 64].

Нынешний «раскол» взглядов украинцев на собственную историю, провоцирующий настоящую «войну памяти» народа, убедительно демонстрируют результаты социологических исследований. По итогам опроса Института социальной и политической психологии Академии педагогических наук Украины в сентябре 2006 г., на вопрос о необходимости признать Голодомор актом геноцида, в Западном регионе страны (не пострадавшем в 1932–1933 гг. от ужасов сталинской коллективизации) «за» высказались 77,1 % респондентов, «против» — 10 %, а в Восточном регионе (где смертность среди украиноязычного крестьянства была наивысшей в Украинской ССР) — 39,4 % и 38,6 % соответственно.

В то же время в пользу признания Украинской повстанческой армии (УПА) воюющей стороной во Второй мировой войне в западных областях Украины высказались 68 % опрошенных, а в восточных областях против такого признания было 65,8 %. Значительные отличия наблюдались тогда и в иерархии значимости событий, присущих различным проекциям исторической памяти. Для жителей восточных и южных областей очевидной была такая цепочка исторических событий — Переяславская Рада 1654 г., большевистская Октябрьская революция 1917 г. и Сталинградская битва 1942–1943 гг. А в западных областях среди примечательных событий украинской истории тогда же отмечалась Национально-освободительная война под предводительством гетмана Б. Хмельницкого, Голодомор 1932–1933 гг., борьба УПА [7, с. 39].

Аналогичными оказались результаты опроса, проведенного в декабре того же 2006 г. «Украинским демократическим колом», совместно с компанией «Ukraine sociology service». Советские политики (исключая М. Горбачева) выше оценивались в Восточной Украине, а представители национально-освободительного движения — в Западной. Задолго до сепаратистского мятежа весной 2014 г., спровоцированного и активно поддержанного Кремлем, в Донецкой и Луганской областях позитивное отношение к С. Бандере засвидетельствовали лишь 6 % опрошенных, к М. Грушевскому — 30 %, И. Мазепе — 17 % (в Западной Украине — 62 %), к П. Скоропадскому — 16 %, к В. Чорноволу — 39 % (еще в 2002 г.

здесь его позитивно оценивали лишь 18 % опрошенных). В пяти западных областях Украины Л. Брежнева одобрительно характеризовали 24 %, В. Ленина — 12 % (на Востоке Украины — 51 %), а Н. Хрущева — 28 % (на Востоке — 38 %) [8, с. 73].

Этот социологический срез, подтвержденный дальнейшими опросами общественного мнения, красноречиво свидетельствовал о глубинном дуализме исторической памяти граждан Украины. Как основа национальной памяти, она не просто создается в определенный момент, историческая память постоянно воспроизводится в культурном пространстве общности и может рассматриваться в контексте украинской современности: политической, духовной, социально-психологической и т.д.

Поэтому ныне можно выделить две заметные группы творцов украинской публичной исторической памяти — так называемых «мифотворцев» и «негативистов». Первые доказывают, что просторы Украины являются едва ли не колыбелью мировой цивилизации, а «негативисты» утверждают, будто сегодня плохо потому, что в украинской истории никогда ничего хорошего не было и не будет в будущем, ведь Русь-Украина все столетия шла от ужаса к кошмару, от одного поражения к другому [9, с. 64].

Найти оптимальный компромисс между этими двумя позициями практически невозможно, такая «война памяти» обуславливает всю сложность написания научной истории Украины, которая будет органически переплетаться с историей Европы и мира. Ведущие украинские и заграничные историки настаивают на необходимости создания «позитивной» истории, но разве возможно очертить абсолютно позитивный образ прошлого при такой драматической истории, какая была во всех, без исключения, регионах Украины? И как быть с памятью людей, которые творили эту историю и могут возродить в своем воображении трагические страницы прошлого?

Кроме того, новая схема «позитивной» европейской истории, которую нам предлагают ради общенационального согласия, может оказаться чересчур стерильной, неинтересной для молодежи, поскольку предполагается, что из нее будут изъяты все конфликты и противоречия, хлопоты и проблемы, могущие поссорить людей. Вместо этого поощряется минимальный консенсус фактов о прошлом, которые ничьему сердцу или разуму ничего не будут говорить.

Директор Института Кеннана при Международном центре имени Вудро Вильсона Б. Рубл заявил, что, по его мнению, Украина на протяжении 20-го века имела слишком много истории и недостаточно памяти [12]. С этими словами можно согласиться, если принять во внимание, что главные факторы, которые определили бытие украинского народа в это время и приобретенный ним опыт, называются «колониализм», «тоталитаризм» и «геноцид», тесно связанные с деятельностью на территории Украины государственных структур СССР, а перед тем — Российской империи. К этому следует добавить еще фактор оккупации во время мировых войн. Накладываясь один на один и переплетаясь, все эти факторы привели к пестрой и объективно чрезвычайно сложной для теоретического осмысления и практического изменения украинской ситуации. В ней не все понятно не только европейским, но и отечественным историкам и культурологам.

Каждый народ помнит и ощущает историю по-своему, а национальная память перерабатывает и осмысливает общий опыт. Именно поэтому у каждого народа — своя история. Но эта абстракция воплощается в целиком конкретных вещах: в оценках исторических событий, культурной жизни, в содержании образования, государственной политике межнациональных и межгосударственных отношениях. К сожалению, нет такого судьи, который мог бы вынести прошлому независимый объективный вердикт.

Осмысление того или иного события, явления или процесса требует, прежде всего, их рассмотрения в конкретном историческом контексте. К примеру, драматические события так называемого «золотого сентября» 1939 г. для поляков — национальная трагедия, когда залитая кровью в борьбе с нацистскими агрессорами страна получила внезапный вооруженный удар в спину — с Востока. Но для значительной части украинцев (и белорусов) этот месяц имеет особое значение: состоялось воссоединение абсолютного большинства этнических земель в единое целое, пусть даже в рамках сталинского СССР. При этом и поляки, и украинцы вправе ожидать один от другого понимания и уважения к разногласиям в их памятях, что, к сожалению, не всегда удается достичь.

Перечень случаев, когда в спор вступают памяти двух или больше народов, можно продолжить и дальше, ведь «Европа, — как верно подметил корреспондент «Die Welt» в Варшаве г. Гнаук, — это единство в разнообразии» [5].

Таким образом, различная интерпретация одного события в странах с общим прошлым может привести к разнообразным конфликтам и «войнам памяти». Картина существенно ухудшается, когда такая ситуация возникает внутри государства, как это произошло и в Украине. Даже после победы Революции достоинства, в атмосфере невиданного ранее патриотического подъема в обществе на защиту независимости и территориальной целостности Украины, среди части ее граждан и ныне бытует мысль, что государственность не была завоевана ценой десятков и сотен тысяч жертв, а «упала с неба», «досталась без усилий», «была исторической случайностью» и т.д. А исторические дискуссии нередко идут вдоль водораздела: «палачи» — «жертвы».

В массовом сознании сложился стойкий набор стереотипов, связанных с наличием — реальным или воображаемым — внутри Украины собственного Запада (Европы) — Западной Украины и Востока («внутренней России») — Восточной Украины. Эти части страны отличаются не только географически, но и культурно, цивилизационно и мировоззренчески, что препятствует созданию принципиально новой украинской истории как неразрывной составной истории общеевропейской. У каждой части Украины есть свой Герой, в результате чего история превращается в фактор, разъединяющий нацию, а не консолидирующий ее.

22 января 2010 г., когда Украина на государственном уровне очередной раз отмечала День Соборности, Президент Украины В. Ющенко на торжествах в Национальной опере сообщил, что присваивает звание «Герой Украины» с вручением ордена Государства (посмертно) С. Бандере. Отношение украинцев к такому решению главы государства было неоднозначным, что наглядно продемонстрировало полярность общества, наличие разногласий в исторической памяти украинцев, живущих по обоим берегам Днепра.

Указ Президента Украины вызвал негативную реакцию и за пределами Украины. В частности, Европейский парламент с подачипольскихдепутатоввыразилсожалениепоповодунаграждения С. Бандеры (резолюция RC-B7-0116/2010 от 17 февраля 2010 г., параграф 19). Депутаты призвали нового Президента Украины В. Януковича пересмотреть решение своего предшественника [14]. А глава «Словацкого союза борцов против фашизма» П. Сечкар заявил, что «со стороны Виктора Ющенко — это провокация»

и что в годы Второй мировой войны бандеровцы лютовали также на чехословацкой территории, а присвоение высокой награды было проведено без изучения многих исторических фактов, поэтому вызывают сомнение «так называемые заслуги» С. Бандеры. Граждане Украины нередко дают принципиально разные, часто диаметрально противоположные ответы на одни и те же, в сущности, вопросы — в зависимости от того лишь, каким образом тот или иной вопрос сформулирован. По одним данным, всего 9 % этнических украинцев называют русский язык своим «родным», по другим данным — 33 % украинцев признают русский «языком повседневного общения» [2]. Недоразумение здесь возникло вследствие различий в постановке, по сути, того самого вопроса: в одном случае «родной язык» ассоциируется с языком детства и родителей, определенной культурной территории; в другом — «язык повседневного общения» апеллирует только к функциональным, прагматическим требованиям публичного дискурса.

Закономерно возникает вопрос, каковы границы и инструменты влияния государства на такой деликатный сегмент национального сознания украинцев как историческая память с ее глубинным дуализмом. Ведь феномен исторической и коллективной памяти состоит из структурных элементов, которые пребывают за пределами государственного воздействия. Это и духовный опыт поколений, и воспоминания о бытии рода и семьи, и национальные традиции, мифы и легенды, и влияние произведений искусства и т.д.

Но во все времена государство было и остается активным модератором исторического нарратива и национального сознания его граждан. В каждом отдельном случае такая политика концентрируется на достижении различных целей, имеет неодинаковые инструменты, оперирует разными методами и средствами. По мнению профессора Женевского университета И. Эрманн, «история играет в политике огромную роль. С одной стороны, правительства должны уметь использовать наследие прошлого. С другой стороны, официальная репрезентация этого прошлого, истории, выступает серьезным способом легитимизации политических решений. Чем больше лидеры стремятся к радикальным изменениям, тем больше они вынуждены обращаться к истории» [13, с. 31].

Для Украины конструирование «своей» истории, выведение ее из контекста имперско-советского историографического дискурса лишь в последнее время рассматривается государством

как национальная задача. Хотя ради объективности следует признать, что вектор политических мероприятий и практик, которые демонстрировало государственное руководство Украины с первых дней обретения нею независимости (за исключением президентства В. Януковича), в целом был направлен на «национализацию» исторического наследия и утверждение нового образа отечественной истории в общественном сознании.

Литература

1. Бжезінський, З. Велика шахівниця. Американське панування та його геостратегічні імперативи / Збігнев Бжезінський.— Львів : Івано-Франківськ : Лілея-НВ, 2000.
2. Від «Малоросії» до «Індоевропи» : українські автостереотипи [Електронний ресурс].— Режим доступу : <http://och.at.ua/publ/54-1-0-2136>.
3. Гессен, М. Австралійське покаяння / Маша Гессен // Вокруг света.— 2012.— № 8.— С. 60–64.
4. Гирич, І. Чому необхідно переосмислювати минуле? / Ігор Гирич, Юрій Шаповал.— К. : Фонд Конрада Аденауера, 2010.
5. Гнау, Г. Про місце України в колективній пам'яті Європи / Гергард Гнау // День.— 2009, 5 червня.
6. Грицак, Я. Страсті за націоналізмом / Ярослав Грицак.— К. : Критика, 2004.
7. Експертна доповідь «Україна в 2006 році: внутрішнє і зовнішнє становище та перспективи розвитку».— Київ : Славутич-Дельфін ТОВ, 2007.
8. Зерній, Ю. О. Історична пам'ять як об'єкт державної політики / Ю. О. Зерній // Стратегічні пріоритети.— 2007.— № 1 (2).— С. 71–76.
9. Історична пам'ять як поле змагань за ідентичність : матеріали «круглого столу», 22 квітня 2008 р. / за заг. ред. Ю. О. Зерній.— Київ : НІСД, 2008.
10. Каппелер, А. Політика оцінки історії в сучасній Україні: Росія, Польща, Австрія та Європа / Андреас Каппелер // Україна на шляху до Європи. Проміжні результати Помаранчевої революції / за ред. Юліане Бестерс-Дільгер ; пер. з англ.— Київ : Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.— С. 274–292.
11. Нагорна, Л. Національна ідентичність в Україні / Лариса Нагорна.— Київ : ППІЕНД.— 2002.— 272 с.
12. Сюдюков, І. Пам'ять як ресурс впливу / Ігор Сюдюков // День.— 2009, 29 вересня.
13. Феномен прошлого / отв. ред. И. Савельева, А. Полетаев.— М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.

14. EuropeanParliamentresolutiononUkraine.17.02.2010[Электронный ресурс].— Режим доступа : <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=MOTION&reference=B7-2010-0120&format=XML&language=EN>.

15. Hagen, Mark von. Does Ukraine Have a History? / Mark von Hagen // *Slavic Review*.— 1995.— Vol. 54, No. 3.— P.658-673.

О. С. Гончаренко, Н. В. Ушакова

Минск, Белорусский государственный университет

К вопросу о лингвистических аспектах межкультурной коммуникации

Мировое сообщество в XXI в. столкнулось с невиданными по интенсивности процессами глобализации, межкультурных взаимодействий, повышением общего уровня социальной подвижности личности. В последние годы потрясения мирового масштаба как экономические, так и политические привели к небывалой миграции народов. Миграционный кризис поразил ЕС в самую душу и продемонстрировал, что он в значительной степени не подготовлен к конфликту культур. Идеалы толерантности и мультикультурализма оказались под угрозой. За 2015 г. на территорию стран Евросоюза прибыли более миллиона мигрантов. Еврокомиссия заявила, что нынешний миграционный кризис является крупнейшим в мире со времен Второй мировой войны. В то же время, как отмечает С. Г. Тер-Минасова, научно-технический прогресс и усилия разумной и миролюбивой части человечества открывают все новые возможности, виды и формы общения, главным условием эффективности которых является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации [1, с. 17].

Особенности развития как человечества в целом, так и нашего общества на рубеже XX-XXI вв. выводят на «авансцену» истории такое важное не только культурное, но и социальное, политическое и даже экономическое явление, как межкультурная коммуникация. Последнее может быть рассмотрено как с философской, психологической, социокультурной, информационной, методологической, так и, что особенно важно,— лингвистической — точек зрения. Значимость языкового аспекта межкультурной коммуникации во многом обусловлена тем фактором, что сегодня в пер-